

УДК: 114 + 115 + 116

ПАРАДОКСЫ МЕТАФИЗИКИ ПРОСТРАНСТВА (МЕСТА) И ВРЕМЕНИ
У АРИСТОТЕЛЯ

Олейник В.А.

Аннотация. Цель статьи состоит в выявлении специфического круга проблем существования времени. В статье эта тема раскрывается посредством применения методологического хода К. Мейясу. В связи с этим в рамках исследования выделяется корреляционистская пара место-движение в философии Аристотеля, из которой эксплицируется основная онтологическая структура этого отношения. В ходе анализа данного отношения выявляется метафизическое определение места как «границы объемлющего тела» и рассматриваются парадоксы, следующие из этого определения, которые приводят к идее времени. Проблема времени раскрывается в контексте отношения время-место, время-движение. Из соотношения время-место анализируется проблема смежности их определений у Аристотеля через понятие границы; выявляется их ключевое отличие. В свою очередь, из соотношения время-движение выделяется и анализируется значение времени как меры движения. Спекулятивная глубина понятия времени у Аристотеля формирует горизонт множества проблем современной философии времени. В рамках данной статьи были выявлены и рассмотрены следующие онтологические проблемы времени: проблема корреляционизма понятия времени с понятием пространства, проблема соотношения времени и различия на основе их онтологического и концептуального значения.

Ключевые слова: время, место, движение, различие, корреляционизм, онтология, Мейясу, Аристотель.

Введение

Излишне много говорить о том, как важен Аристотель для истории философии, как он актуален для той философской эпохи, которую мы сегодня называем своим настоящим. Достаточным будет сориентировать относительно траектории нижеследующего исследования проблемы пространства и времени у Аристотеля, которое мы будем проводить.

Одна из важнейших проблем идеи времени заключается в статусе его существования. Эта основополагающая онтологическая проблема времени, возобновляющая свою актуальность вновь и вновь на протяжении всей философской истории этого вопроса от Платона до современных философских теорий времени. Все они в той или иной степени воспроизводят одну и ту же апорию: как может существовать время, если нет его предмета. Каждая философия времени попадает в этот круг, повторяя в том или ином виде этот упрямый вопрос. Начало этой проблемы лежит в философии Аристотеля, где пространство и время были объединены в единую

теорию. Корреляционная пара место-время у Аристотеля приводит к некоторым парадоксам, которые в дальнейших их историко-философских трансформациях сформировали и закрепили философский образ времени в статусе фиктивного понятия и в качестве проблемы, относящейся к теории субъективности.

Мы несколько не ставим себе целью решение этой проблемы, иначе мы не сможем называться современными исследователями. Нашей целью является обозначения слабых сторон онтологии времени, основанной на корреляционной связи место-время, каковой, на наш взгляд, является аристотелевская теория времени. Мы должны будем выяснить, как справляется с этими недостатками и парадоксами аргументация метафизики, и где она «проседает», то есть, где метафизика наталкивается на границы собственных интерпретативных возможностей. Вместе с тем метафизика здесь может нас приятно удивить своей способностью адаптироваться под объект, с которым имеет дело, оставляя за ним возможность изменяться в процессе философского осмысления, как мы увидим из рассуждений Аристотеля. Эта едва уловимая изменчивость объекта и податливость метафизики имеют, казалось бы, очевидный недостаток – невозможность строгого определения объекта. Однако для нашего исследования это не является недостатком, поскольку не противоречит нашей конечной цели.

Стоит сделать несколько замечаний на тему того, как будет производиться наше исследование. В работе К. Мейясу – сторонника современного философского течения спекулятивного реализма – раскрывается тезис о корреляционизме любой философской системы после И. Канта¹. Это тезис представляется нам очень интересным, однако рассматривать его сильные и слабые стороны не входит в нашу задачу. В данной статье также не будет применяться эта методологическая схема в чистом виде, поскольку вопрос об универсальности такого подхода ко всей философии представляется нам дискуссионным. В свою очередь, положение о корреляционистской двухходовке [pas de danse], на наш взгляд, может быть применен в нашем анализе проблемы времени у Аристотеля в его, если можно так сказать, слабой версии, как нам представляется. Слабая версия этого тезиса, как мы полагаем, может заключаться в локальном применении принципа корреляционизма в той или иной онтологии, для выявления проблемного поля некоторого феномена. Терминологически предлагается назвать это «корреляционной парой». Применительно

¹ «Назовем «корреляционистским кругом» аргумент, согласно которому невозможно помыслить «в себе», не впадая в порочный круг, в противоречие самому себе, и назовем «корреляционистской двухходовкой» [pas de danse] другую фигуру рассуждения, столь излюбленную философами и часто встречающуюся в современных трудах, в соответствии с которой «было бы наивно мыслить субъект и объект как две разных сущности [deux étants], которые имеют самостоятельное существование, и каждая из которых дополняется отношением к другой». [3, с. 12]. «В целом, «двухходовка» современности – это вера в первичность отношения перед членами отношения, вера в конститутивную силу их взаимного отношения. «Ко-» «корреляции» («со-» «со-данности», «со-отношения», «со-зарождения», «со-присутствия» и т. д.) – грамматическая частица, подчинившая себе современную философию, ее подлинная «химическая формула». Таким образом, можно было бы сказать, что до Канта одной из основных философских проблем было как помыслить субстанцию, в то время как после Канта — как помыслить корреляцию». [3, с. 12]

к нашему исследованию это будет состоять в следующем: в рамках проблемы времени в контексте онтологии Аристотеля ключевой корреляционной парой является отношение место-время. Отношения внутри этой пары между сопряженными зависимыми элементами и между элементами состава самой этой пары порождают определенную онтологическую структуру и образует систему отношений, из которых можно выделить специфический круг онтологических проблем времени. В случае с Аристотелем можно утверждать о некотором поле онтологических проблем времени, поскольку ключевые вопросы существования времени были заявлены именно в этой философской системе в более строгом виде, чем это было у Платона, и сформировали круг проблем, которые в том или ином виде поднимались в дальнейших теориях времени.

1

Итак, нашей первостепенной задачей на данный момент является выяснить, какова онтология пространства у Аристотеля, какими парадоксами и трудностями она обладает, и в какой связи появляется время.

О пространстве, как и о времени, Аристотель говорит в четвертой книге «Физики». «Физическое» в понимании Аристотеля связано с уяснением начал бытия в широком смысле этого слова. Начала характеризуют устройство Вселенной. Эпистемологическая непосредственность древнегреческого мышления не нуждалась в каких-то элементах теории познания, которая дала бы доступ человеку к его миру. Возможно, оттого что человек тогда еще был частью Вселенной, а не границей видимого мира. Современный философ – это мастер выпиливания симпатичных рамок, в которые будет посажен предсказуемый «мир». Природа для Аристотеля – это начало движения и изменения [См.: 2, с. 103], понимание которого возможно только из прояснения вопроса о месте, пустоте и времени. Проблема движения распределяется между тремя этими феноменами, каждый из которых будет раскрывать какую-то часть сложной идеи движения. Первая будет раскрыта Аристотелем в тезисе, согласно которому из движения и места «слагается» существование. Вторая часть регулирует отношение и различие между местом и пустотой по принципу бытия/небытия. Третья составляющая этой проблемы касается разграничения двух видов движения между местом и временем.

Идея места у Аристотеля имеет мало общего с любым философским пониманием пространства. Если мы и говорим о «пространстве» у Аристотеля, то в силу скорее привычки, которую описывал Д. Юм в своем знаменитом Трактате, чем реальном родстве этих понятий. Определяя место, Аристотель отрицает её тождество с формой, материей или протяжением [См.: там же: с. 131]. Отталкиваясь от негативного определения места, Аристотель отдает предпочтение следующей формулировке: «...необходимо, чтобы место было...границей объемлющего тела... Я разумею под объемлемым тело, способное двигаться путем перемещения» [См.: там же: с. 132]. Мы чувствуем здесь разницу между объемлющим телом и телом объемлемым. Граница тела объемлемого – это его форма. Однако, если сменить фокус и «точку отсчета»,

можно сказать, что объемлющее тело имеет собственную границу, то есть имеет форму, а, следовательно, также является объемлемым телом относительно какого-то другого объекта большего масштаба. В примере Аристотеля с рекой, река будет местом, а лодка – объемлемым телом. Однако, если взять остров, где течет эта река вместе с лодкой (допустим, что кроме нее больше вообще ничего нет на этом острове), то уже остров будет объемлющим, а река – объемлемым. Этот пример нам показывает, что место для Аристотеля является не тем, «в чем» происходит движение, а корреляционной парой движения, из соотношения с которым можно определить существование².

Иллюстрация с лодкой показывает характерный принцип аристотелевской метафизики: своего рода спекулятивную игру, предшествующую понятию. В ходе этой игры вещь попеременно проскальзывает между двумя семантическими глубинами (высотами) этого понятия. Оказываясь сначала внутри, а потом – вовне, у самой границы. Можно привести следующий пример для иллюстрации спекулятивной игры. В основе нашего абстрактного, можно даже сказать, примитивного, примера будет находиться мячик (шарик) в мешке, где мы заметим качественное изменение описания «мира» и поведение такой онтологии «мира» мячика, воспринятой с двух позиций. Спекулятивная игра происходит здесь на основании положения шарика – внутри или снаружи. Аналогично тому, как для шарика, находящегося внутри, «мир» имел бы одни характеристики, так и для шарика, находящегося снаружи вывернутого наизнанку мешка, «мир» имел бы другие характеристики. Эти два «мира» будут в чем-то сходиться, а в чем-то быть противоположными и/или просто другими, являясь при этом одним и тем же единым «миром», рассматриваемым с разных сторон. Различия, аналогии, противоречия и др., выявляемые при этом, составляют понятийную глубину (высоту) «мира» в спекулятивной игре переворачивания (опрокидывания) «мира». Возвращаясь к нашему примеру с лодкой, в одном случае река будет объемлющим, а в другом – объемлемым, однако все это может входить в содержание её понятия, выпадающим в ходе спекулятивной игры.

Место выступает принципом установления того, что можно назвать находящимся в движении на основании умозрительной неподвижной границы, относительно которой устанавливается движение вещи. Место является фиксированной системой отношения двух вещей, относительно которых мы хотим установить их движение. В такой системе есть объемлющее тело, относительно которого определяется движение объемлемого тела, где граница объемлющего тела, определяющая наличие/отсутствие движения тела объемлемого, выступает маркером изменения системы – то есть местом [См. там же: с. 132]. Место, разумеется, имеет также значение того, «в чем» происходит эти изменения. Однако это «в чем» не является каким-либо протяжением пустого пространства, но предстает в качестве некоторой системы динамического различия, внутри которой мы определяем движение между вещами.

2

² «И место находится как граница в ограничиваемом [теле], так как в месте [находится] не все существующее, а только способное к движению тело». [там же: с. 133].

Наша версия о месте, как корреляционном элементе определения существования вещей, подтверждается аристотелевской полемикой с пустотой, то есть в споре Аристотеля с атомистами. Для Аристотеля этот вопрос напрямую связан с построением онтологии пространства, поскольку прежняя философия исходила из понимания пустоты, существование которой допускалось для обоснования движения. Аристотелевская теория движения опирается на корреляционную онтологию места, что, на наш взгляд, можно считать новаторской идеей своего времени, требующей доказательной и сильной аргументации. Кратко опишем содержание его позиции на тему пустоты. Во-первых, Аристотель сторонник непрерывности. Непрерывность по определению отрицает пустоту. Здесь Стагирит выступает на стороне теории о целостности мира, в противовес лакунообразному миру атомистов. Утверждение непрерывности позволит Аристотелю определить время как целостный феномен. Во-вторых, согласно Аристотелю, пустота признается одними и отрицается другими по причине подмены содержаний понятий: пустоту путают с местом, определяя её как то, в чем происходит движение. Если придерживаться более строгого определения, о котором говорит Аристотель, то пустота – это отсутствие различия [См. там же: с. 138], а потому не является необходимым или каким-либо вообще условием движения, поскольку движение познается из различия. Пустота безразлична, а потому в ней нет движения. Отсутствие и невозможность появления движения в пустоте отрицает реальность её бытия, в завершение своего рассуждения Аристотель заключает, что пустота не является существующей.³

С прояснением отличия пустоты и причины отрицания ее существования мы можем теперь уточнить наше ранее высказанное определение места. Место, напротив, обладает различием, которое можно установить путем сравнения. В качестве примера Аристотель использует перемещение предметов относительно друг друга. Аристотель акцентирует внимание на том, что место при этом не является ни самим перемещением, ни изменением, ни каким-либо континуальным протяжением для перемещения. Два существенных обстоятельства, указанных выше, могут помочь нам в понимании этого. Речь идет о способности к различию и принципе определения существования. Эти два утверждения тем интересны и значительны для данной онтологии, что они, во-первых, напрямую концептуально связаны между собой и, во-вторых, позволяют составить представление о положении места в аристотелевской онтологии в целом. Первый тезис уже раскрыт нами, и поэтому здесь только кратко напомним о нем: идея места воплощает в себе систему отношений между предметами вообще, это некоторое предписание поведения системы отношений между вещами, которое основывается на возможности различия этих предметов и формирования системы связей. Место здесь является условием для любого различия. Второй тезис – о существовании – следует из первого. Различить одну вещь от другой – значит суметь её определить, то есть выявить её бытие из какой-либо системы отношений с другой

³ «...ведь как “ничто” не заключает в себе никаких различий, так и не существующее. Пустота представляется чем-то несуществующим и лишенностью, а перемещение по природе различно... Итак, или ни один [предмет] никуда не перемещается ..., или, если это происходит, нет пустоты». [Там же, с. 139].

вещью. И здесь уместно вспомнить, что Аристотель отрицает существование пустоты по причине её неразличимости. Следовательно, определить или утвердить существование чего-либо – это значит быть подлежащим различению. Соединив две характеристики, можно предполагать, чем может являться место в этой онтологии; местом называется условие бытия, в качестве которого выступает возможность различения чего-либо из некоторой системы отношений. С этой точки зрения место представляет некоторую ситуацию, в которой нечто может быть различено.

Итак, место как граница объемлющего тела может быть понято в качестве системы отношений, из которой проявляются качественные характеристики бытия вещи. Место является той возможностью спекулятивной игры, границей глубины (высоты) спекулятивной игры; выявления бытия вещи, её начал. Границу можно понимать здесь как то, с чего начинается бытие вещи. Подобная интерпретация позволяет разрешить (точнее, исключить) противоречие, которое присутствует в рассуждениях Аристотеля о месте. Так он сначала утверждает, что пространство отделимо от предмета [См.: там же: с. 126], но буквально через несколько страниц мы встречаем: «...место [существует] вместе с предметом, так как границы [существуют] вместе с тем, что они ограничивают» [там же: с. 132]. Допускать мысль, что основатель формальной логики допустил такую очевидную ошибку, наивно. По этой причине наша интерпретация восполняет некоторые пробелы, реконструкцию которых требует наше исследование.

3

На стыке темы отношения места и движения появляется проблема времени. Вернемся к уже рассмотренной нами проблеме пустоты. Пустота онтологически безразлична и не обладает количеством или качеством; она однородна и в этой однородности – самотождественна. В этом смысле именно пустота Аристотеля имеет большее сходство с пониманием пространства в философии, чем идея места. Движение является «антагонистом» пустоты и подлежит различию. Если пустота – это ноль, то движение, в свою очередь, – это множественность, количество, то есть число. Движение и место связаны в единую систему различия, которое может быть выражено в числовом отношении. В этой системе различие может быть установлено между движениями двух вещей посредством числа [См. там же: с. 141]. Здесь в систему место-движение вступает время. Время появляется в качестве меры различия, поскольку аккумулирует в себе эту идею числового отношения и является носителем идеи числа как множественности.

В контексте проблемы времени движение приобретает значение не только количественного, но еще и качественного изменения, мерой чего оно и выступает. Заметим также, что в рамках рассмотренной нами проблемы места и движения мы обнаружили несколько ключевых концептуальных элементов онтологии Аристотеля: возможность, граница, движение, начало, о которых речь будет идти и в отношении времени. Существенным уточнением здесь будет определения, которые дает этим

понятиям Аристотель в «Метафизике»⁴. Время как мера движения и изменения имеет уже не только значение перемещения, но также и любого качественного изменения, к числу которых относится рождение и умирание, например. Здесь движение имеет максимально широкий смысл, который имеет онтологическое основание в понятии возможности. Спекулятивная амплитуда понятия движения, как и других связанных понятий, основывается на имплицитной неопределенности его основания – понятия возможности. Строгость понятия возможности растворяется во множественности собственного значения, опирающегося на понятие начала. Стоит отметить, что определение начала имеет релятивный характер. Так начало определяется как причина изменения, развития или счета, в том числе и, в первую очередь, как первая мера – единое. Спекулятивное дерево метафизики «в» и «с» онтологии Аристотеля категориально ветвится и разрастается.

Спекулятивная игра прослеживается и в определении времени. Время – мера изменения. В этом смысле время в системе место-движение-время онтологически берет на себя функцию различия как такового, о чем уже было сказано выше. Во-вторых, время, выражающее различие имеет здесь также значение своеобразной трансценденции. Время всегда иное; оно является мерой движения и, как мера, однородна с измеряемым⁵ [см.: там же: с. 255], то есть выражает соотношение изменения вещей и явлений. Время – это безосновное различие, покидающее и возвращающееся к себе. Время – это мера, задача которой заключается в координации и соотношении движения в широком смысле слова внутри системы место-движение. В этой системе время как мера различия выступает в качестве трансценденции, то есть способности выходить за рамки одной системы отношений в другую, обеспечивая полноту понятия. Понятое таким образом, время как феномен здесь не имеет

⁴ «Способностью, или возможностью (*dynamis*), называется [1] начало движения или изменения вещи, находящееся в ином или в ней самой, поскольку она иное...[2] начало, откуда вещь приводится в движение иным или ею самой, поскольку она есть иное». [1, с. 162].

«Началом называется [1] то в вещи, откуда начинается движение, например у линии и у пути отсюда одно начало, а с противоположной стороны — другое» [там же: с. 145]; «...ибо все причины суть начала» [там же: с. 145]. «А существо единого — в том, что оно некоторым образом есть начало числа, ибо первая мера — это начало; ведь то, с помощью чего как первого познаем, — это первая мера каждого рода; значит, единое — это начало того, что может быть познано относительно каждого [рода]» [там же: с. 154-155].

«Мера есть то, чем познается количество; а количество как таковое познается или через единое, или через число, а всякое число — через единое, так что всякое количество как таковое познается через единое, и то первое, чем познаются количества, есть само единое; а потому единое есть начало числа как такового. Отсюда и во всех остальных областях мерой называется то первое, чем каждая вещь познается, и для каждого мерой служит единое — в длине, в ширине, в глубине, в тяжести, в скорости («тяжесть» и «скорость») одинаково применимы к противоположностям, ибо каждая из них имеет двойное значение; так, тяжесть приписывается и тому, что имеет хоть какой-либо вес, и тому, что имеет чрезвычайно большой вес, а скорость — и тому, что совершает хоть какое-либо движение, и тому, то что движется чрезвычайно быстро: ведь есть некоторая скорость и у того, что движется медленно, а тяжесть — у более легкого)» [там же: с. 253-254].

⁵ Время не является первой мерой, как единое, но является просто мерой чего-либо.

основания и не имеет собственного содержания как понятия, хотя обладает спекулятивной флуктуацией псевдопонятия⁶.

Заключение

Итак, мы рассмотрели противоречивые аспекты онтологии места и времени у Аристотеля. Опираясь на ход аргументации Аристотеля, мы реконструировали систему онтологических связей релевантных двум этим феноменам. Выявленные проблемы, к числу которых мы отнесли: концептуальную смежность определения места и времени через понятие «граница»; полисемия определения времени как меры; фактическую онтологическую функцию времени как различия; показали нам неоднозначность метафизического понимания времени у Аристотеля. Примененный нами принцип понимания отношения места и времени как отношения корреляционной пары, позволил дифференцировать, в каком смысле понимается общее для обоих понятие «границы». Так место в корреляционной паре имеет значение условия, которое позволяет выявить вид движения вещи, то есть является необходимым принципом построения онтологии предметности, где движение является признаком существования. В свою очередь, время здесь является границей в значении меры, то есть интенсивности разделения движения в видах качественного и количественного модусов, которая принимает форму числового отношения (отношения множественности).

Время является мерой движения, понимаемого уже не только, как перемещение объектов относительно друг друга, но и как степень качественного изменения чего-либо без перемещения, например, становление, рост, развитие. Заложена в отношении перемещения сравнимость, наполняет содержанием понятие времени как меры, наряду с потенциальной интенсивностью – определением степени качественного изменения. Ввиду этих двух оттенков значения меры время выполняет онтологические функции различия и интенсивности. Образуя с местом корреляционную пару, время как различие обладает, с одной стороны, очевидным значением – отличия видов движения, – но также имеет онтологическое значение, которое позволяет времени вносить различие между видами бытия, определяя меру существования и несуществования.

С этой онтологической ролью времени становится заметно его преобладающее значение в онтологии место-движение-время у Аристотеля. Способность различия является ключевой в плане определения места времени в данной онтологии, поскольку сближает время и бытие. Иными словами, «внести различие», «определить меру», значит определить единое бытие в его форме, индивидуальности, качественной и количественной особенности, уникальности, родо-видовой принадлежности – категоризировать бытие. Аристотель концептуально связывает меру с количеством и

⁶ Вопрос о темном феномене времени и его загадочном содержании был рассмотрен, например, М. Хайдеггером, посвятившим много интеллектуальных сил на герменевтическую процедуру выведения пространственности априористического перфекта мирности из временности [4, с. 367-369], от которой, впрочем, впоследствии отказался [5, с. 405].

числом, которые понимаются из единого – их основания. Аристотель не вносит онтологического барьера между единым бытием и множественностью его видов, что можно отнести к важному составляющему принципу онтологии, поскольку от него зависит значение, которое принимает трансценденция в связи с этим обстоятельством.

Время, внося различие, распределяет единое во множестве, не разрушая онтологической однородности единого бытия. В этом состоит уникальность самого времени для данной онтологии. Здесь время обозначает единое в его интенсивности по качеству и количеству, которое выступает во множественности его видов и форм. Благодаря такой функции времени, Аристотелю удастся сохранить онтологическую полноту единого и непротиворечивость в отношении между единым и множественным. Несмотря на понятийную противоположность, единое и множественное образуют общую онтологическую систему, обладающую спекулятивным характером. Спекулятивный характер такой системы заключается в том, что множественное представляет собой частный случай единого, в то время как единое есть начало множественного. Это преобразование одного и того же бытия в два вида, без внесения онтологического различия между ними. Между множественностью и единым происходит качественное различие, однако онтологическое основание в первоначальности единого бытия остается неизменным.

Для нашего вопроса о возможной онтологии времени из концепции места и движения у Аристотеля здесь важно заметить устойчивую связь между временем и различием. На основании вышеизложенного анализа, мы можем выделить некоторые специфические аспекты этого отношения между временем и различием, из которого формируется поле онтологических проблем такого объекта как время. Время и различие являются двумя объектами, которые получают онтологическое, концептуальное содержание только из этого отношения. Время выступает в качестве источника различия в широком онтологическом смысле: оно регулирует категоризацию бытия, начиная с абстрактного отношения единое-множественное; далее – в отношении место-движение время – пробегает по видам множественной предметности, определяя меру существования/несуществования, то есть формирует систему интенсивности; заканчивая формированием степеней различия в видах качественного изменения души. Различие здесь дифференцировано: оно пронизывает всю онтологию – от более фундаментальных уровней её организации (единое-множественное) до более простых (количество движения и покоя вещей). Являясь дифференцированным, различие всегда подчиняется одному и тому же принципу и остается онтологически целостным.

В свою очередь время приобретает значение за счет различия, которое оно фактически осуществляет. Эта функция выделяет время в отдельную автономную категорию объекта, способного трансформировать структуру онтологических связей внутри концепта. Это можно обнаружить из поведения онтологии в ситуации, когда Аристотель объявляет тезис о зависимости времени от души: «Если же ничему другому не присуща способность счета, кроме души и разума души, то без души не может существовать время, а разве [лишь] то, что есть как бы субстрат времени...» [2, с. 157]. Заметим, что Аристотель устанавливает необходимость отношения между

временем и душой для возможности определения движения, однако не устанавливает жесткого подчинения времени душе. Вопрос о существовании времени поднимается Аристотелем в связи с числом, то есть множественностью, которая может быть сосчитана, то есть различена и категоризована. Мы обнаруживаем время, когда обнаруживаем бытие и пытаемся его определить. Субъективизм времени здесь исчезает, если придерживаться аристотелевского определения времени как меры качественного и количественного движения. Трансформация онтологии здесь состоит в том, что время, сохраняя свою функцию различия, включает в онтологию еще один элемент равный себе по уровню онтологического влияния (душу), и даже попадает в определённую зависимость от неё. Таким образом, время обладает не только онтологическим значением, но и, выходящим за его пределы, концептуальным – структурообразующим для данной онтологии.

Учитывая обстоятельство, что метод исследования посредством корреляционных пар выявил спекулятивное определение трансценденции и её временное подчинение, можно заметить, что к еще одному специфическому аспекту времени можно отнести его трансцендентный характер и его двойное значение и возможность синтеза обоих этих значений. Одно из которых заключается в его онтологической роли различия, второе – отражает его возможность выходить за рамки онтологии, тем самым выявляя свое концептуальное значение по трансформации онтологии. Данное исследование раскрывает нам трудности времени в контексте проблемы души, что представляет интерес не только для онтологии, но и для проблемного поля философской антропологии. На этом наш спекулятивно-герменевтический анализ подошел к концу.

Список литературы

1. Аристотель. *Метафизика* // Аристотель. *Сочинения*: в 4 т. / Т. 1. – М.: Мысль, 1976. С. 63-369.
2. Аристотель. *Физика* / пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской // Аристотель. *Сочинения*: в 4 т. / Т. 3. – М.: Мысль, 1981. С. 59-263.
3. Мейясу К. *После конечности: Эссе о необходимости контингентности* / пер. с фр. Л. Медведевой. – Екб; М.: Кабинетный ученый, 2015. – 196 с.
4. Хайдеггер М. *Бытие и время* / пер. с нем. В.В. Бибихин. – СПб.: Наука, 2006. – 451 с.
5. Хайдеггер М. *Время и бытие* / М. Хайдеггер // *Время и бытие: статьи и выступления* / пер. с нем., сост., вступит. ст., комм., указат. В.В. Бибихин. – М.: Республика, 1993. С. 391-407.
6. Хаксли О. *О дивный новый мир: роман* / пер. с англ. О. Сороки. – М.: АСТ, 2021. – 351 с.
7. Юм Д. *Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании* / пер. с англ. С.И. Церетели // Юм Д. *Сочинения*: в 2 т. / вступ. ст. А.Ф. Грязнова; прим. И.С. Нарского. Т. 1. – М.: Мысль, 1996. С. 61-327.

Varvara A. Oleinik

**PARADOXES OF THE METAPHYSICS OF SPACE (PLACE) AND TIME IN
ARISTOTLE**

The purpose of the article is to identify a specific range of problems of the existence of time. In the article, this topic is revealed through the application of the methodological course of K. Meyasu. In this regard, the research highlights the correlationist pair place-movement in the philosophy of Aristotle, from which the main ontological structure of this relationship is explicated. During the analysis of this relation, the metaphysical definition of place as the "boundaries of the enclosing body" is revealed and the paradoxes following from this definition that lead to the idea of time are considered. The problem of time is revealed in the context of the relationship time-place, time-movement. From the time-place relation, the problem of the adjacency of their definitions in Aristotle is analyzed through the concept of boundaries; their key difference is revealed. In turn, the value of time as a measure of movement is extracted from the time-motion ratio and analyzed. The speculative depth of the concept of time in Aristotle forms the horizon of many problems of the modern philosophy of time. Within the framework of this article, the following ontological problems of time were identified and considered: the problem of correlationism of the concept of time with the concept of space, the problem of the correlation of time and difference based on their ontological and conceptual meaning.

Keywords: time, place, movement, difference, correlationism, ontology, Meyasu, Aristotle.

References

1. Aristotle. *Metafizika [Metaphysics]*. Aristotle. *Sochineniya: v 4 t. [Works: in 4 vol.]*, Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1976. P. 63-369.
2. Aristotle. *Fizika [Physics]*, transl. from Ancient Greek by N.V. Braginskaya. Aristotle. *Sochineniya: v 4 t. [Works: in 4 vol.]*, Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ. 1981. P. 59-263.
3. Meillassoux K. *Posle konechnosti: Esse o neobxodimosti kontingentnosti [After the finiteness: An essay on the necessity of contingent]*, transl. from French by L. Medvedeva. Ekb; M.: Cabinet scientist, 2015. – 196 p.
4. Heidegger M. *Bytie i vremya [Being and time]*, transl. from Germ. V. V. Bibihin. St. Petersburg.: Nauka, 2006. – 451 p.
5. Heidegger M. *Vremya i bytie / M. Heidegger // Vremya i bytie: stat`i i vystupleniya [Time and Being. Time and Being: articles and speeches]*. transl. from Germ., compil., notes by V. V. Bibihin. Moscow, 1993 P. 391-407.

6. Huxley O. O divnyj novyj mir: roman [Brave New World], transl. from Eng. O. Soroka. Moscow: AST, 2021. – 351 p.
7. Hume D. Traktat o chelovecheskoj prirode. Kniga pervaya. O poznanii [A treatise on human nature. The first book. About cognition]. transl. from Eng. S.I. Cereteli. Hume D. Sochineniya: v 2 t. [Works: in 2 vol.], notes I.S. Narskii. Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ, 1996. P. 61-327.

Сведения об авторе

Олейник Варвара Андреевна – соискатель философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, магистр философских наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, г. Москва.

Email: varvara994@yandex.ru

Varvara A. Oleinik – Candidate of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University, Master of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Email: varvara994@yandex.ru